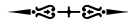

Содержание

<i>От автора</i>	9
Глава первая. ЗАЧЕМ ЛЕВИН?	13
Глава вторая. ЛЕВИН И ЛЕНИН	25
Глава третья. ЛЕВИН И СТИВА	50
Глава четвертая. ЛЕВИН И ВРОНСКИЙ	83
Глава пятая. ЛЕВИН И ДОЛЛИ	112
Глава шестая. ЛЕВИН И КАРЕНИН	141
Глава седьмая. ЛЕВИН И РЕВНОСТЬ	159
Глава восьмая. ЛЕВИН И КИТИ	170
Глава девятая. ЛЕВИН И СМЕРТЬ	212
Глава десятая. АННА И ЛЕВИН	246
<i>Приложение. Лев Толстой. ИСПОВЕДЬ</i>	263

*Пусть я, вытравивший птенец, лежу на спине,
пищу в высокой траве, но я пишу оттого,
что знаю, что меня в себе выносила мать,
высиживала, грела, кормила, любила.
Где она, эта мать? Если забросили меня,
то кто же забросил?*

Л. Н. Толстой. Исповедь

От автора

Все читатели “Анны Карениной” делятся на две категории. Одни, их большинство, с интересом читают и перечитывают главы романа, где речь идет об измене Анны мужу, о ее любви к Вронскому, и трагический финал, которым завершилась эта любовь. И со скукой пролистывают “левинскую” часть, особенно места, где рассказывается о его одинокой жизни в деревне, сельскохозяйственных работах и т.д. В лучшем случае любят сцены охоты, действительно прекрасно написанными. Их также мало волнуют духовные искания героя в последней части романа, которые завершаются внутренними монологами о Боге, Церкви и проч., — на взгляд этих читателей, слишком невнятными и расплывчатыми.

Другие читатели признаются, что именно страницы, посвященные жизни Левина в деревне, не говоря уже об истории его любви к Кити, их женитьбы, рождения их первенца и устройства домашнего быта в имении после свадьбы, являются для них самыми интересными. А вот история измены Анны несколько не трогает. Как и сама главная героиня.

Каждый вправе любить то, что он любит. Но и те и другие ошибаются, думая, что читают не один, а два романа, один из которых им нравится, а другой — нет. А в результате не читают ни одного. Этой ошибке почти полтора века.

Зачем нужен Константин Левин? Зачем Толстой отдает ему (с Кити и без нее) половину своего романа?

В этой книге я постараюсь доказать, что без Левина романа под названием “Анна Каренина” не существует. Или это плохой роман. Во всяком случае не роман Толстого.

P.S. В черновиках “Анны Карениной” иногда появляется буква “ё”. Она там необходима, потому что бывает смысловая разница между одинаковыми словами, которые пишутся через “е” или через “ё”. Но “ё” нет в написании фамилии Левин ни в черновиках, ни в прижизненных публикациях романа.

Это к вопросу о том, как произносить эту фамилию. Был ли он Левин или Лёвин? Он был Левин. Впрочем, по воспоминаниям близких Толстого, он не возражал против произнесения фамилии героя через букву “ё”. Но не настаивал на этом.

Со времен княгини Екатерины Дашковой, пытавшейся еще в 1783 году законодательно внедрить букву “ё” в русскую орфографию как обязательную, прошло почти два с половиной века. Буква “ё” в качестве обязательной не прижилась. И даже фамилия ее знаменитого современника графа Потемкина-Таврического при его жизни и после печаталась через “е”, хотя произносилась, разумеется, через “ё”.

Яснополянские крестьяне называли Толстого Лёв Николаевич — это характерная тульская огласовка. Так же к нему обращался, например, его друг и критик Н.Н.Страхов. Но утверждать, что Левин — непременно Лёвин, — это своеволие. Как и намекать, что Левин — еврейская фамилия, а Лёвин — русский дворянин. Левин — такая же еврейская фамилия (от левитов), как и коренная русская дворянская. Как, кстати, и крестьянская, потому что крестьян тоже, хотя и редко, по святам называли Львами, а их дети становились Левиными.

Словом, произносите, как вам лично нравится. Но печатать в тексте фамилию Левина через “ё” — это чистый произвол, не совпадающий с волей автора великого романа.

P.P.S. Критики моей книги “Подлинная история Анны Карениной” упрекали меня в том, что в ней слишком много цитат из романа. Они занимают если и не половину, то третью часть текста. Зачем? Ведь роман и так может прочитать каждый.

Я сам являюсь противником слишком длинных цитат. То, что можно пересказать, не нужно цитировать. К тому же цитаты замедляют чтение. Но в случае с романом Толстого цитаты неизбежны. Нельзя комментировать толстовский текст, одновременно не предъявляя его оригинал. Не говоря уже о том, что лишний раз перечитать хотя бы фрагменты романа — это большое наслаждение, которого я не хочу лишать своего читателя.

В качестве еще одного оправдания напомним известные слова Осипа Мандельштама из его “Разговора о Данте”: “Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает”.

Глава первая

ЗАЧЕМ ЛЕВИН?

В апрельской книжке журнала “Вестник Европы” за 1878 год вышла статья Александра Станкевича — брата публициста и мыслителя 30-х годов, товарища Белинского, Тургенева и Бакунина Николая Станкевича. Она называлась “Каренина и Левин” и печаталась с продолжением в двух номерах. Начиналась она в стиле критических статей того времени — неторопливо, с заходом в прошлое.

“Всем памятно, — писал Станкевич, — то тяжелое испытание, которому подвергалась публика целых три года, когда последний роман графа Л.Н.Толстого то появлялся, то исчезал, то снова показывался на страницах «Русского вестника». Встреченный живым интересом и сочувствием читателей, он в этот долгий срок порождал между ними разнообразные и нередко противоречивые впечатления, и интерес не всегда одинаково сопровождал длинное развитие обширного романа. Внимание иногда утомлялось, иногда возбуждалось снова, иногда терялось в недоумениях, иногда было вполне увлечено прекрасными эпизодами романа”.

Одной из главных причин такого неровного впечатления от романа Станкевич не без иронии считал чрезмерную “щедрость” автора. “Автор обещал нам в своем произведении «Анна Каренина» один роман, а дал — два. Параллельно с романом, героиней которого является Анна Каренина, развивается в произведении автора, живет и даже переживает первый — совсем другой роман, героем которого остается Константин Левин”.

“Между тем, — писал Станкевич, — главы одного романа пересекаются в произведении автора главами другого, но развитие каждого из них идет своим чередом, без внутренней связи с развитием другого, нарушая единство произведения автора и цельность производимого им впечатления”.

Прошло полтора века, но по-прежнему вопрос “зачем Левин?” остается. Зачем автор сделал два романа в одном? Ведь “левинская” часть занимает половину текста произведения, название которого все-таки “Анна Каренина”. После того как Анна бросается под поезд, следует еще восьмая часть, где про самоубийство Анны, а также про отъезд Вронского на войну в Сербию с желанием погибнуть говорится всего на нескольких страницах. Затем на протяжении целой заключительной части романа мы погружаемся в переживания Левина-помещика и тонкости его отношений с Кити.

Но не той трепетной Кити, которая в начале романа была одновременно увлечена и Вронским и Левиным и сделала первый в своей жизни неправильный выбор. И не той Кити, которая, то бледнея, то краснея, принимала второе объяснение Левина в любви, отга-

дывая слова по начальным буквам на ломберном столике. И не той Кити, которая в муках рожала своего первенца. Перед нами, будем откровенны, не слишком интересная Кити. Наверное, такой же была ее сестра Долли, когда вышла за Стиву и непрерывно рожала детей, не задумываясь над тем, зачем она это делает. Но Долли, по крайней мере, ожидала романная драма — известие об измене мужа. Это сделало ее такой же несчастной, как Алексей Александрович Каренин. А вот у замужней Кити и драмы не предвидится. Ведь ее супруг такой правильный, такой добродетельный...

Духовных исканий мужа Кити не понимает. (Как, впрочем, не понимаем и мы, настолько они зыбки и расплывчаты.) В хозяйстве она тоже ничего не смыслит. (Как, впрочем, не смыслим и мы, если не являемся специалистами по сельскому хозяйству второй половины XIX века.)

Так для чего все это? Зачем этот огромный кусок романа в виде восьмой части?

Интересна история ее публикации. Издатель “Русского вестника” Михаил Катков отказался ее печатать. Это вызвало ярость Толстого и разрыв с журналом, где вышли не только “Анна Каренина”, но и “Война и мир”. Но Катков не напечатал восьмую часть не потому, что сама по себе “левинская” история ему не нравилась. Катков в первую очередь был издателем. Любую книжку “Русского вестника” с продолжением невероятно успешного романа Толстого рвали бы из рук, повышая тираж журнала. Но у Каткова были свои политические игры с правительством и общественным мнением. Да и свои убеждения. Он был не согласен с тем, что в восьмой части Левин вместе со старым кня-

зем Щербацким осуждают русское добровольческое движение во время сербско-турецкой войны середины 70-х годов.

Вопрос был политический и тонкий. Хотя правительство официально не поддерживало добровольцев, но и не осуждало и не препятствовало им. В 1877 году, когда в журнале Каткова печатались последние главы седьмой части “Анны Карениной” и обещалось ее продолжение, Россия официально объявила войну Турции.

Толстой, отрицательно относившийся к добровольцам, объявление войны Турции воспринял не то чтобы с энтузиазмом, но с живым интересом. Он писал тетушке-фрейлине А.А.Толстой: “Как мало занимало меня сербское сумасшествие и как я был равнодушен к нему, так много занимает меня теперь настоящая война и сильно трогает меня”. Выскажу предположение, что в бывшем боевом офицере проснулись гордость и память о поражении русских в Крымской войне, когда на его глазах турки с франко-британскими союзниками брали пылающий Севастополь. Добровольческое движение его не трогало, но победы России в “настоящей” войне поручик в отставке Толстой, думаю, все-таки хотел.

Окончание седьмой части “Анны Карениной”, где героиня в конце последней главы бросается под поезд, появилось в апрельской книжке “Русского вестника”. И в апреле же Россия вступила в “настоящую” войну с Турцией. “Эпилог”, который затем стал восьмой и заключительной частью романа в отдельном издании, уже лежал на столе у Каткова. И там осуждалось добровольческое движение, которое было прелюдией к “официальной” войне.